

Структурно-функциональная целостность идентичности: культурологический и социально-психологический аспекты

Е. В. Матусевич

*кандидат культурологии, преподаватель Европейского гуманитарного университета, координатор центра передовых научных исследований и образования
(Center for Advanced Studies and Education, Carnegie Corporation of New York)*

Настоящая статья посвящена раскрытию методологического потенциала современной гуманитаристики через призму анализа структурно-функциональной целостности идентичности, а также влиянию системы факторов на специфику ее конструирования.

Ключевые слова: культурная идентичность, идентификация, гомеостатический кластер, нациоморфный эндемик.

Интегрируя концепции отдельных представителей современных гуманитарных теорий, можно сосредоточить внимание на двух основных трактовках идентичности. Первая — классическая идея фактической идентичности. Вторая — современная интерпретация процесса идентификации, позволяющая всесторонне исследовать и оценивать соотношение традиционного и современного начал внутри культуры. Трактовка концептуальных оснований и свойств идентичности позволяет провести терминологическую границу между идентичностью культурной группы или сообщества, определяемой как коллективная идентичность, и идентичностью в смысле принадлежности ей индивида, т. е. идентичностью личностной. Коллективная идентичность обычно проявляется в гомогенной форме: в порядке обретения стабильности личность должна выбирать сильное доминантное общество, а не полагаться на нестабильность и аморфность локального. Это своеобраз-

ный политический выбор, выступающий условием возможности самосовершенствования посредством взаимосвязи с мейнстримом. Фактически эти отношения дали толчок первоначальному определению культурной идентичности как некой негативной формы отношения, «отчуждения» или «культурной колонизации».

В 70-х гг. XX в. получили распространение иные мнения и взгляды в отношении тематического измерения данного феномена. «Современные информационные технологии и их функционирование в обществе создают угрозу для культурной идентификации в большинстве стран, если не во всех. Нам стоит поразмыслить над значением концепта идентичности, воспринять его в качестве аспекта национальной самобытности, который является результатом ассимиляции кросс-культурных влияний извне» [9, с. 200]. Феноменологически коллективная идентичность — это жизненная суть культуры в целом и куль-

турного наследия (достояния), в частности, стабильный принцип существования личности на основе социально-исторического прошлого. «Для отдельно взятой — культурной — формы идентичности отсутствует четкое определение предмета; большинство же существующих двусмысленны и нечетки. Тем не менее, взаимозависимость и взаимовлияние идентичности и динамики мультикультуры не подлежат сомнению» [5, с. 128]. Один из ведущих теоретиков национализма Э. Смит трактует коллективную идентичность как категорию, классифицирующую распределение социальных ролей в обществе, от которого индивид отказаться не может. «На социальном уровне, это [идентичность. — Е. М.] представляет собой не только чувства и интересы индивидов, но и природу коллективного родства. Посредством социализации, информационных потоков и возможной коэволюции мы обнаруживаем тот факт, что обладаем определенной идентичностью уже с рождения» [10, с. 124].

На личностном уровне идентичность — это ощущение присутствия и принадлежности к определенной социальной системе, в которой каждый осознает себя активно действующим субъектом истории. В таком качестве может выступать не только индивид, но и этническая группа (группы). Личностная идентичность зачастую самоорганизуется и упорядочивается по принципу соотношения с позитивными чертами выбранной для принадлежности группы или веры в то, что таковые существуют. Является ли соотносением Дон Кихота с «идадьго» составной частью процесса его личностной идентичности? Скорее нет, поскольку в данном случае

наличествует лишь его образ. Однако определенные, возложенные им на себя обязательства четко определены и вполне реальны, поэтому с самого начала выстраивается динамика процесса идентификации, а приписываемая роль «идадьго» уже обязывает к ее осуществлению.

Детализируя эволюционный процесс культурной идентичности, сторонники ее динамики фиксируют точки перехода от одной фактической формы идентичности к другой. Своеобразный «гомеостатический кластер» («А-кластер»), центрированный вокруг личности, совершенствуется и видоизменяется во взаимоотношениях с другими. Проблема кластера идентичности состоит в понимании, насколько гибкость его структуры может стать органичной и контролируемой частью своего носителя. Различные идентификационные черты-кластеры не просто сосуществуют, но и взаимодействуют между собой (к примеру, «макро»-кластер, взаимодействующий с культурным стереотипом «гостеприимного белоруса», обычно находит выражение в нормативной оценке ментальных характеристик белорусов как нации). Несовместимые кластеры способны привести к кросс-культурному конфликту, а идеализация отдельных ценностей и норм — к социальной изоляции. Ключевая позиция в этом отношении состоит в том, что любое из качеств и их совокупность, приобретенных личностью в процессе идентификации, должны соответствовать принципу полезности и востребованности, обосновывая значимость коннотативного (дезидеративного) компонента идентификации. Когда «А» рассматривается как позитивный и эффек-

тивный фактор, то процесс идентификации ускоряется в сторону принятия «А».

Аналогия может быть выстроена и в терминах оценивания: рассматривая «А» как жизнеспособного или по крайней мере инструментально действенного «субъекта» общества, идентифицирующий может приписывать черты «А» другим группам и отдельным личностям. «Когда я осознаю свою принадлежность к нации, я принимаю как должное тот факт, что меня связывает с ней чувство родства, что ее судьба формирует и меня самого, что ее культура определяет меня, что это основа моей сущности, если кто-либо унижает мою нацию, он унижает и меня; если нацию хвалят, я разделяю эту похвалу» [4, с. 62–63].

Если «А» рассматривается как негативный фактор или конкурент, то формируется контекст, безотносительный к сознательному или бессознательному приятию черт и свойств идентичности. В этой связи обращает на себя внимание концепция личности как *нациоморфного эндемика*. Вводимый термин трактует разнообразные потребности личности в автономной самоартикуляции, раскрывая крайние пределы каждой из автономий, неизбежно вступающих в конфронтацию. Для нациоморфного эндемика характерна «фракционализация» идентичности, понимаемая как процесс, посредством которого один параметр идентичности исключает другой для укрепления собственного единства и когерентности. Смысл термина и его отношение к референту состоит в дилемме изначальной национальной принадлежности как в буквальном, так и в метафорическом смысле. «В современном мире комплексных

социальных систем идентичность зачастую выражается при помощи этнических терминов. Этнический подход имеет «эмическую» (внешнюю) и «этическую» (внутреннюю) составляющие. Психологический и социальный уровни: иррациональный и эмоциональный наравне с целесообразным — совмещаются» [11, с. 9]. В концепции *нациоморфного эндемика* индивидуальность и уникальность становления субъекта безотносительны к таким параметрам, как этничность, раса и пол. Таким образом, интенциональными объектами идентификации являются только формы принадлежности к культурной, этнической или национальной общности, поскольку личность может проидентифицировать себя с любой локальной культурной группой по любому из параметров/кластеров. Н. Мискевич [8] определяет самодостаточность личности через способность осознать детерминацию своей фактической принадлежности без ущерба свободному саморазвитию. С познавательной точки зрения, невозможно игнорировать «двойную» детерминацию мышления и поведения, зависимость от конкретного пространственно-временного локуса. Однако форсирование «Я» посредством самых различных культурных практик воссоздает образ нереального, вымышленного, множественного двойника реального человека, который постоянно балансирует между фундаментальностью и неустойчивостью, своим и чужим, единством и тем, что принято называть культурной многосоставностью.

В попытке сглаживания противоречий между личностной и коллективной формами идентичности идеологи умеренных форм национализма предлага-

ют такую стратегию коллективного развития, как (этно-) нация, которая не просто констатирует факт национальной принадлежности, но подчеркивает специфические черты национальности, играющие особую роль в качестве стимуляторов личностной идентификации. Главными чертами (этно-)нации обычно выступают полилингвизм (Ч. Тейлор), «национальные жизненные кредо» (А. Маргалит) и «способы ощущения принадлежности» (А. Маргалит). Этнонациональная принадлежность зачастую носит субъективный характер, а общность самосознания такой принадлежности (как разновидность коллективного сознания) объективна. Поэтому когда А. Г. Здравомыслов [1] размышляет о референтной природе каждой из наций, представляющей собой «Я» любой этнической группы в современных условиях, это еще не означает, что они объективно не существуют: референтная группа может быть и идеально-конструктивной, и реально существующей. Этно-национальная принадлежность носит особо проблемный характер: смешение характеристик личности и условий окружающей среды/социума приводит к вопросу о возможности самовыражения вообще. М. Уолзер решает этот вопрос путем фиксации «двойной (разделенной) самости» — личности, которая совмещает в себе несколько противоречивых идентичностей, не сводимых к утопическим и излишне простым схемам и идеалам, категориям группы, класса, этноса, пола. Данную полемику поддерживает критик постколониализма П. Гилрой [6]. «Политика идентичности» в социальных движениях XX в., по его мнению, сыграла важную роль в определении «двойного со-

знания» личности. П. Гилрой адаптирует идеи постколониальной критики и теории пограничья к расовой теории, демонстрируя социальное и культурное состояние «человека-границы», демаркационной линией которого является диалектика изначальной «цветной» принадлежности.

Упомянутые теоретические идеи, раскрывающие феномен взаимодействия фактической идентичности и идентификации, связывают националистические модели с новыми традициями, которые составляют современный контекст анализа. Во-первых, *радикальный (экстремистский) национализм* приобретает черты умеренного, корректируя оппозиционную формулу за/против про-национальных (или коммунарских) идей в пользу «транснационализации» культуры и общества. Во-вторых, *националистическая модель в рамках социально-психологических направлений* выдвигает тезис об осмыслении той формы идентичности, которая создается отдельной личностью в определенный исторический период, вызывая скептическое отношение к монокультурной идее эволюции и единой общенациональной традиции. В-третьих, исследование сложной, противоречивой, полицентричной и дробящейся идентичности приводит к неразрешимости существования (*идея экспансии Запада, выраженная в постколониальной критике*). С одной стороны, пространственные ограничения и культурная изоляция представляют собой подсознательную, инстинктивную реакцию на любые проявления различий. С другой стороны, культивирование фактической идентичности приводит к *облитерации культуры*, суть которой

состоит в том, что поиск собственной уникальности и изначальности, равно как и формализация субтрадиций родной культуры, может обернуться своеобразной подменой ее оснований. Причиной служит обманчиво реалистическая идентичность, которая рождает идентификационное беспокойство, «кризис идентификации» [2], «рассеченную идентичность», «утрату идентичности».

Представители умеренного национализма реагируют на критику идеи отсутствия связной идентичности следующим образом. Как на личностном, так и на коллективном уровнях существует возможность обретения идентичности путем модифицирования и коррекции ее кластеров. Именно в процессе идентификации национальная принадлежность может быть выражена в произвольной форме в качестве второстепенных черт идентификации: членство в союзе, партии или клубе может иметь тот же смысл, что и принадлежность к определенной национальности.

Примером одного из наиболее интересных системных исследований процесса идентификации в рамках кросс-культурных теорий 80-х гг. XX в. является изучение Г. Хофстеде проявлений культурных различий у представителей мультинациональной корпорации (IBM) в 64 странах [7].

Г. Хофстеде выделяет пять независимых оснований анализа процесса идентификации:

1) дистанцированность от доминирующей властной структуры (факт неравенства);

2) индивидуализм/коллективизм — теоретическая бинарная оппозиция, раскрывающая степень личностной вовле-

ченности в отношении социальной иерархии;

3) маскулинность/фемининность — основание системы распределения гендерных ролей внутри общества;

4) релятивизм/универсализм как конститутивный принцип социально-символического порядка, что отличает его от природного;

5) значимость категории «пространство/время» (ценности долговременного и гипердолговременного характера ассоциируются с эволюцией и стремлением к новации, в то время как кратковременные вписаны в контекст традиционности, устойчивости и неизменности).

На основе данных изучения IBM-группы Г. Хофстеде сформулировал два основных вывода. Ценностные ориентации женщин подвергаются «перекрестному сличению» с доминирующей (маскулинной) фигурой, ассимилируясь посредством нее в социум либо вытесняясь вовсе. Мужская система ценностей политически субъективирована по отношению к женской, что увеличивает разрыв между обеими. Данное исследование взаимосвязи параметров культурной идентификации во многом справедливо в отношении морального подтекста методологии постколониализма. Ярким примером служит усиление недискриминационной политики общества с позиции либерального равенства. Сама по себе недискриминационность подчеркивает факт существования Другого, несмотря на то, что либеральный характер такой политики способен привести к расхождению даже во взглядах тех, кто ее проводит.

Таким образом, теоретические положения и методы современных гумани-

тарных наук представляют собой нечто вроде теста на «реальность» либеральной политики. Процедура обоснования сведется к следующему.

Во-первых, реалии и требования любой институциональной практики таковы, что вовлеченность в систему властных отношений неизбежна. Роль власти нельзя рассматривать только как инструментальную (использование полномочий для подавления и исключения); она регулирует сложные взаимоотношения между производством знания, конструированием идентичности и ее кластеров, а также материальной составляющей культуры. Неподвижность властных отношений сменяется их динамикой (от сопротивления и эскалации к структуризации знания о причинах культурных различий), подтверждая подвижность идентичности.

Во-вторых, в процессе институционализации неизбежны расхождения между теоретическими построениями и их конкретной реализацией. Механизм обратной связи, в свою очередь, приводит к преобразованию теории в свете полученного опыта.

В-третьих, критический анализ институционализации позволяет определить, что объекты институциональных практик обладают характерным свойством унификации. Они различимы только как носители конкретного знания. Рассуждая таким образом, можно признать каждую отдельно взятую культуру в качестве объекта институционализации, а культурное разнообразие как правильно организованное

множество культур, обусловленное соответствующими контекстуальными допущениями. Понимание взаимосвязи «достоинства» и «признания» локальной культуры (Ч. Тейлор и последователи) выстраивается всецело вне рамок иерархичности общества. В этом отношении классическая субъект-объектная дихотомия в анализе фактической идентичности исчерпывает себя потому, что субъект становится частью объекта. Это создает многие ограничения и неудобства методологического характера, но постепенный отказ от субъект-объектного дуализма намечает пути и механизмы действия плюралистической перспективы, выстраивая новую культурную картину мира. При этом «культурная (понятийная) картина мира — это отражение реальной картины через призму понятий, сформированных на основе представлений человека, полученных с помощью органов чувств и прошедших через его сознание, как коллективное, так и индивидуальное» [3].

Рассмотрение структурно-функциональной целостности идентичности в культурологическом аспекте представляется весьма актуальным для исследований в области психологии, расширяя и дополняя их объяснительный потенциал методологическим. Идея целостности позволяет впоследствии расширить возможности изучения интрапсихических дилемм процессов идентификации, а также личностно-ориентированной проблематики идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Здравомыслов А. Г. Релятивистская теория наций и рефлексивная политика // Общественные науки и современность. 1997. № 4.
2. Можейко М. А. Кризис идентификации // Постмодернизм: Энциклопедия. Минск, 2001.
3. Тер-Минасова С. Язык и межкультурная коммуникация http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Ter/_06.php].
4. Bauer O. The Nation. Translated in Balakrishman. Mapping the Nation. L.-N. Y., 1996.
5. Brunswick Y., Bady J.-P., Clergerie B. Lexique de la vie culturelle. P., 1987.
6. Gilroy P. The black Atlantic: modernity and double consciousness. Harvard, 1993.
7. Hofstede G. Masculinity and Femininity. The Taboo Dimension of National Cultures. USA, 1998.
8. Miscevic N. Nationalism and Beyond: introducing moral debate about values. Budapest, 2001.
9. Sean Mac Bride et.al. Voix multiplies, un seul monde. La Documentation Francaise. P., 1980.
10. Smith A. D. Nations and Nationalism in a Global Era. UK, 1995.
11. Vos G. de, Romanuchi-Ross L. Ethnic Identity. Cultural continuities and change. L., 1982.

Structural And Functional Integrity of Identity: Culturological And Social Psychological Aspects

E. V. MATUSEVICH

*PhD in culturology, teacher at the European Humanities University,
coordinator at the Center for Advanced Studies and Education,
Carnegie Corporation of New York*

The present article is devoted to development of modern humanities' potential through the prism of analysis of structural and functional integrity of identity, as well as to the influence of a system of factors on the specifics of its construction.

Keywords: *cultural identity, identification, homeostatic cluster, natiomorphous endemic.*

REFERENCES

1. *Zdravomyslov A. G. Relyativistskaya teoriya natsii i reflektivnaya politika // Obshest. nauki i sovremennost'. 1997. № 4.*
2. *Mozheiko M. A. Krizis identifikatsii // Postmodernizm: Enciklopediya. Minsk, 2001.*
3. *Ter-Minasova S. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Ter/_06.php].*
4. *Bauer O. The Nation. Translated in Balakrishnan. Mapping the Nation. L.-N. Y., 1996.*
5. *Brunsvick Y., Bady J.-P., Clergerie B. Lexique de la vie culturelle. P., 1987.*
6. *Gilroy P. The black Atlantic: modernity and double consciousness. Harvard, 1993.*
7. *Hofstede G. Masculinity and Femininity. The Taboo Dimension of National Cultures. USA, 1998.*
8. *Miscevic N. Nationalism and Beyond: introducing moral debate about values. Budapest, 2001.*
9. *Sean Mac Bride et.al. Voix multiplies, un seul monde. La Documentation Francaise. P., 1980.*
10. *Smith A. D. Nations and Nationalism in a Global Era. UK, 1995.*
11. *Vos G. de, Romanuchi-Ross L. Ethnic Identity. Cultural continuities and change. L., 1982.*